

СТАТЬИ / PAPERS

Е.А. Белоусова
E.A. Belousova

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГИЗМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

ARTISTIC PSYCHOLOGY: THE RESULTS AND PROSPECTS OF STUDYING IN RUSSIAN LITERARY STUDIES

В науке о литературе «психологизм» остается дискуссионным понятием. Его теоретическое рассмотрение вызывает ряд насущных вопросов, связанных с определением объема и границ данного феномена, терминологическим оформлением в российской и зарубежной научных традициях, методологическими принципами изучения, включая междисциплинарные связи, а в последние годы разговор о психологизме приобретает новое измерение на фоне антропологического поворота гуманитарных наук. Автор статьи задается локальной и конкретной целью – рассмотреть сложившуюся вариативность в понимании термина «психологизм» и обобщить важнейшие принципы изучения этого явления в отечественном литературоведении. В результате выявляются два доминирующих представления о художественном психологизме: историко-репрезентативное и сознательно-эстетическое. В методологическом плане (с опорой на труды Н.Г. Чернышевского, А.А. Потебни, Д.Н. Овсянко-Куликовского, А.Н. Веселовского, А.П. Скафтымова, Л.С. Выготского, И.В. Страхова, А.Н. Иезуитова, Л.Я. Гинзбург, Д.С. Лихачева, В.В. Компанейца, Е.Г. Эткинда, А.Б. Есина, В.Е. Хализева, О.Б. Золотухиной) показано, что интерес к постижению внутреннего мира человека в искусстве слова и к психологии творчества в целом проявлялся с разной степенью интенсивности начиная со второй половины XIX в.: выдвигались концепции как идеалистические, ставившие во главу угла бессознательность творческих процессов, так и рационалистические, сближавшие художественное мышление с научно-познавательной деятельностью. Предпринятый аналитический обзор подтверждает, что эстетическая природа психологизма обуславливает неэффективность его фрагментарного изучения. Теоретически оправданным в этом отношении представляется координирующий подход: необходимость соотносить широкое и узкое толкования термина, принимать во внимание комплексность самой системы психологического анализа; учитывать авторский, персонажный и читательский уровни, а также историческое своеобразие концепции личности применительно к изучаемому произведению; считаться с принципом изоморфности текста и методов его исследования, сопрягая литературоведческий анализ с достижениями

смежных наук (прежде всего философии, психологии, социологии) в области изучения личностного поведения.

Ключевые слова: художественный психологизм, понятийно-терминологический аппарат, методология литературоведения, комплексный подход, междисциплинарные связи.

"Psychologism" remains a controversial concept in the literary studies. Its theoretical consideration raises a number of pressing issues related to the definition of the scope and boundaries of this phenomenon, terminological design in Russian and foreign scientific traditions, methodological principles of study, including interdisciplinary connections. In recent years, the conversation about psychologism has acquired a new dimension against the background of the anthropological turn of the humanities. The author of the article sets a local and specific goal – to consider the existing variability in the understanding of the term "psychologism" and summarize the most important principles of studying this phenomenon in Russian literary criticism. As a result, two dominant ideas about artistic psychologism are revealed: the historical-representative and the conscious-aesthetic. Methodologically (based on the works of N.G. Chernyshevskij, A.A. Potebnya, D.N. Ovsyaniko-Kulikovskij, A.N. Veselovskij, A.P. Skaftymov, L.S. Vygotskij, I.V. Straxov, A.N. Iezuitov, L.Ya. Ginzburg, D.S. Likhachev, V.V. Kompaneets, E.G. Etkind, A.B. Esin, V.E. Khalizev, O.B. Zolotukhina), it is shown that interest in understanding the inner world of a person in the art of speech and in the psychology of creativity in general manifested itself with varying degrees of intensity since the second half of the 19th century. Idealistic concepts were put forward, which highlighted the unconsciousness of creative processes, as well as rationalistic ones, which brought artistic thinking closer to scientific and cognitive activity. The undertaken analytical review confirms, it was found that the aesthetic nature of psychologism causes the ineffectiveness of its fragmentary study. A coordinating approach seems theoretically justified in this regard: the need to correlate the broad and narrow interpretation of the term, take into account the complexity of the psychological analysis system itself; take into account the author, character and reader levels, as well as the historical originality of the concept of personality in relation to the work under study; to take into account the principle of isomorphism of the text and methods of its research, combining literary analysis with the achievements of related sciences (primarily philosophy, psychology, sociology) in the field of studying personal behavior.

Key words: artistic psychologism, conceptual and terminological apparatus, methodology of literary criticism, an integrated approach, interdisciplinary connections.

DOI: 10.24888/2079-2638-2024-60-1-5-11

История изучения художественного психологизма в отечественной традиции насчитывает более ста пятидесяти лет, однако сам термин «психологизм» как самостоятельная единица литературоведческого анализа закрепился только во второй половине XX в. О непростом пути его категориального определения свидетельствуют лексикографические данные: одну из первых дефиниций психологизма встречаем в толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова в конце 1930-х гг. [27, т. 3, 1059], а отдельной статьи (ее автор – А.Б. Есин) в специальных энциклопедических изданиях исследуемое нами понятие удостоилось относительно недавно, на рубеже XX–XXI вв.

[10, 834–835] (в авторитетных КЛЭ и ЛЭС оно оказалось «растворено» в текстах о «психологической школе», «психологии творчества» и др.).

На сегодняшний день говорить о едином понятийно-терминологическом аппарате в отношении психологических аспектов художественной литературы не приходится. Сложились разные стратегии в понимании этого масштабного феномена и связанных с ним явлений: «психологический анализ» [30], «психология художественного творчества» [21, 312–348], «психологический мир» [16], «психологический рисунок» [23], «психопэтика» [31], «психологическое изображение» [9], «психологическая интроспекция» [25] и др.

Толкования ключевого для нас и, казалось бы, ставшего традиционным термина тоже разнятся: А.Н. Иезуитов [12] и В.В. Компанеец [13] рассматривают психологизм как родовой признак искусства слова, отражение психологии самого автора и сознательный эстетический принцип; В.В. Фашенко [28] и А.Б. Есин [11] в этой же связи говорят об универсальном качестве художественного творчества (стилевой доминанте) и системе форм изображения человеческой психики в литературе; Л.Я. Гинзбург [8] и В.Е. Хализев [29] делают акцент на художественном освоении особенностей сознания и душевной жизни, а О.Б. Золотухина [9] предлагает понимать под психологизмом комплексный подход к реконструкции внутренней жизни персонажа посредством методов и приемов, выбор которых обусловлен мировоззрением автора. В каждом случае современные ученые вынуждены оговаривать для своих целей рабочее определение психологизма.

Парадоксально, но за последние десятилетия, несмотря на обилие исследований по этой проблематике, в теоретико-методологическом изучении психологизма количество неразрешенных вопросов только увеличилось. Если в 1970-е гг. В.В. Компанеец писал, что художественный психологизм еще не вполне определен как предмет научного изучения [13, 48], то в 2000-е гг. О.Б. Золотухина констатировала: «Сопоставление трудов по проблеме психологизма в литературе показало отсутствие единства в теоретических подходах» [9].

Между тем в науке отчетливо выявляется два доминирующих представления о художественном психологизме. Первое – историко-репрезентативное. В его основе – взгляд на психологию героя как на отражение психологических моделей действительности. Данный подход разделяли Н.Г. Чернышевский [30], видевший в психологическом анализе анатомическую таблицу чувства; А.А. Потебня [22], Д.Н. Овсянко-Куликовский [21], А.Н. Веселовский [6], сходящиеся в том, что психологический аспект художественного произведения важен постольку, поскольку обнаруживает связь с обыденным, житейским мышлением. Второе – сознательно-эстетическое. Его суть – исследование методов, избираемых автором для выражения душевного состояния героя. Система художественных средств и приемов воспринимается здесь как следствие психологической концепции писателя. Такой подход, в частности, используется в хрестоматийных трудах А.П. Скафтымова [23], Л.Я. Гинзбург [8], А.Б. Есина [11], В.Е. Хализева [29].

Иными словами, сложились широкое и узкое понимание психологизма: 1) как родового признака словесного искусства (всякое подлинное искусство так или иначе имеет дело с психологией человека, вольно или невольно обращается к ней; психологично и взаимоотношение автора с читателем, сознания которых неминуемо вступают в некий диалог на страницах произведения); 2) как выражения и отражения в художественном тексте общественной психологии, которая раскрывается через личность писателя и созданные им образы (акцент здесь смещается, в первую очередь,

на выявление и анализ способов и форм воплощения внутренней жизни личности, ее раскрытия).

Если дореволюционное литературоведение в большей степени тяготело к широкому пониманию психологизма, которое оказалось слишком аморфно в методологическом плане, поскольку подразумевало универсальное свойство словесного творчества, не углубляясь в детали генезиса и конкретных реализаций психологических моделей личности, было лишено «спецификаторства»; то в XX в. началась разработка узких трактовок художественного психологизма как в философско-эстетическом ракурсе (показательны в этом отношении предварительные суждения А. Белого [3], Н.А. Бердяева [4], С.Н. Булгакова [5], А.Ф. Лосева [19]), так и в литературоведческом плане (А.П. Скафтымов [23], Л.С. Выготский [7], Л.Я. Гинзбург [8] и т.д.). Наиболее продуктивна здесь, по мнению Д.С. Лихачева, установка на целостное восприятие психологического мира произведения как особой художественной системы [16].

Итак, сфера психологического анализа может включать в себя и компоненты предметной изобразительности (портрет, пейзаж, интерьер), и «то, что не обладает ни предметностью, ни наглядной изобразительностью, – воспроизведение психологии персонажей» [14, 8], и выявление, а также объяснение особенностей восприятия психики автором, его интереса к тем или иным феноменам поведения.

В историко-методологическом измерении русского литературоведения интерес к изучению внутреннего мира человека (и шире – психологии творчества) проявлялся с разной степенью интенсивности: выдвигались концепции как идеалистические, ставившие во главу угла бессознательность творческих процессов, так и рационалистические, сближавшие художественное мышление с научно-познавательной деятельностью. По точному замечанию В.И. Масловского, несмотря на рост или спад интереса к феномену психологизма, вне зависимости от отношения к изучаемому явлению, все ученые видели в нем «некий прием (=форму, инструмент) для понимания (=познания) человека» [20]. Назовем основные вехи на этом пути.

Рассматривая литературу как зеркало общественной жизни, Н.Г. Чернышевский одним из первых заговорил о социальной детерминированности поведения персонажей. В ходе размышлений над психологическими особенностями героев Л.Н. Толстого исследователь отметил, что знание «тайн жизни человеческого духа в самом себе» [30, 89] раскрывается не только в их индивидуальных особенностях, но и в связи с обществом, во влиянии условий «среды» на эмоции и поступки. По мнению В.В. Тихомирова, Н.Г. Чернышевский таким образом «фактически сближает метод "диалектики души" Л.Н. Толстого с научным исследованием психолога» [26, 164], то есть следует позитивистскому принципу ассимиляции искусства с наукой.

Психологическая школа (в лице А.А. Потебни и его последователей) провозгласила принципы анализа произведения в его художественно-эстетическом своеобразии, обусловленном душевной индивидуальностью творца и читателя [22]. Оригинальность этого подхода заключалась в том, что оба субъекта признавались полноправными участниками творческого процесса. Писатель, создавая произведение, использует художественную индукцию, т.е. идет от индивидуального образа к типу, от типа к идее, и подобный путь проходит читатель, когда интерпретирует текст. Предложенные принципы психологического анализа не были развиты в свое время, но во многом предвосхитили концепции XX века.

Не будем в этом же отношении преуменьшать вклад академика А.Н. Веселовского, который, хотя и принадлежал к иному направлению научной мысли, но полагал, что психологизм не может быть исследован отдельно от воплощающих его художественных форм [6]. Так, изучение языковых особенностей автора в описании поведения, мыслей, эмоций героев позволяет раскрыть идейный уровень произведения не хуже, а порой лучше, чем простое наблюдение за поведением персонажей. Связь мифа, языка и поэзии, по мысли ученого, проявляется прежде всего в единстве психологического приема, в «*arte renovate forma dicendi* (искусстве обновленной формы высказывания)» [6, 107]. Логика анализа, предложенная А.Н. Веселовским, подразумевает глубинное изучение сведений об эпохе, о культурных течениях, исторических и социально-бытовых обстоятельствах, влиянию которых подвергался творец, выбравший ту или иную языковую модель описания личности [1].

В XX столетии методологически продуктивными в осмыслении художественного психологизма оказались конкретные аналитические опыты «вненаправленцев» А.П. Скафтымова [23] (прямого ученика А.М. Евлахова, тоже занимавшегося вопросами психологии творчества), Л.С. Выготского [7], И.В. Страхова [24], Д.С. Лихачева [17]. А.П. Скафтымов, например, предлагал в процессе наблюдения за тем, как художник реализует концепцию человека, формулировать психологическую идеологию героя. В свою очередь, И.В. Страхов важное значение в анализе психологической составляющей произведения придавал «исторической контекстуализации»: критик или читатель должен учитывать биографию автора, специфику его художественного метода и актуальные социальные проблемы, уметь определить устойчивые выразительные признаки характера. Наконец, сформулированная Д.С. Лихачевым концепция «конкретного литературоведения» в своей сущности тоже глубоко психологична: это пограничная зона между реальностью и литературой, которая дает «частные объяснения частным же явлениям литературы, приучает к медленному чтению, к углубленному пониманию произведений в реальной обстановке и к реальному пониманию стиля – не только его особенностей у того или иного писателя, но и к пониманию причин появления этих особенностей» [17, 4].

В этом ряду работы Л.С. Выготского 1920–1930-х гг. занимают особое место. Будучи профессиональным психологом, их автор предложил объективно-аналитический путь, который опирается на изучение фактов: «Общее направление этого метода можно выразить следующей формулой: от формы художественного произведения через функциональный анализ ее элементов и структуры к воссозданию эстетической реакции и к установлению ее общих законов» [7, 33]. По мысли ученого, такой подход к анализу литературы сохранит искусство гуманистическим и идеологически нейтральным, что долгое время шло вразрез с официальными установками советской гуманитарной науки.

К 1970–1980-м гг. наметился возврат к беспристрастному осмыслению проблем психологизма. В 1965 г. впервые издается «Психология искусства» (1925) Л.С. Выготского. В 1968 г. Д.С. Лихачев ставит вопрос о психологизме как художественной системе и его изучении как исторического явления в контексте различных эпох и культур, начиная с Древней Руси [18], во взаимодействии разных видов искусства. В этот же период А.Н. Иезуитов [12] и Л.Я. Гинзбург [8] предпринимают собственно теоретическую рефлексию над понятием психологизма. Первый отталкивался от широкого понимания искусства, психологии, социологии как составляющих единой науки о человеке. По замечанию Г.А. Белой, важнейший принцип анализа художественного текста здесь – учет социокультурного контекста, в котором находился автор, а также категории подсознания, интуиции, что отражается в поведении

персонажей [2, 183]. У Л.Я. Гинзбург магистральный путь исследователя состоит в анализе эмпирического опыта автора и структуры его запечатления: необходимо ответить на вопрос, как происходит «охват душевного опыта, претворяемого в осознанную структуру» [8, 21].

Не менее востребованными во второй половине XX в. оказались междисциплинарные подходы. В частности, В.В. Компанеец предложил соотносить эстетический уровень художественного произведения с научными достижениями психологии как науки (возрастной, гендерной, социальной), разделяя в психологическом анализе рефлексию и действие, внешние и внутренние, сознательные и бессознательные процессы [13]. Акцент на разборе бессознательных импульсов персонажей (что, впрочем, повышает вероятность слишком вольной интерпретации [14]) и детальном «препарировании» их чувств сделан в очерках Е.Г. Эткинда по психопозитике [31], получивших признание не только в России, но и за рубежом.

В работах учебного характера (А.Б. Есина [11], В.Е. Хализева [29], О.Б. Золотухиной [9]), не уступающих по своей концептуальности монографиям, проявилась тенденция к систематизации накопленного теоретико-методологического опыта.

Как видно, в отечественной традиции изучение художественного психологизма оформлялось в самостоятельную область знания постепенно, с середины XIX в., через адептов психологической школы и психоаналитической критики, находившейся под влиянием западной научной мысли, к оригинальным концепциям 1920-х гг., а далее – с конца 1960-х – начала 1970-х – к современности. Антипсихологические установки в отношении искусства слова, возобладавшие в официозном литературоведении, диктовались идеологическим неприятием душевной рефлексии как «пережитка буржуазного прошлого», «интеллигентщины» (см., например: Бек А., Тоом Л. О психологизме и «столбовой дорожке» // Новый мир. 1929. № 7. С. 207–225). Иной случай – антипсихологической крен в методологии лидеров формальной школы 1910–1920-х гг.

Сегодня недостаточная разработанность таких аспектов рассматриваемой проблематики, как соотношение психологического анализа с родовидовой принадлежностью произведения, авторской концепцией личности и т.д., препятствует тому, чтобы предложить «единоспасающую» методологию психологического анализа. Нужна ли она? – вопрос дискуссионный. Частные литературоведческие принципы «исследования душевной жизни в ее противоречиях и глубинах» [8, 286], скорее всего, будут множиться. Между тем природа психологизма обуславливает неэффективность его фрагментарного изучения. Теоретически оправданной представляется необходимость, во-первых, соотносить широкое и узкое толкования термина, принимать во внимание комплексность самой системы психологического анализа; во-вторых – учитывать авторский, персонажный и читательский планы, а также историческое своеобразие концепции личности применительно к изучаемому произведению; в-третьих – считаться с принципом изоморфности текста и методов его исследования, сопрягая литературоведческий анализ с достижениями смежных наук (прежде всего философии, психологии, социологии) в области изучения личностного поведения. Междисциплинарность, в свою очередь, требует установления четкой иерархии между взаимодействующими дисциплинами и определения их «зон ответственности».

1. Багно В.Е. А.Н. Веселовский как художник слова // Александр Веселовский. Актуальные аспекты наследия. Исследования и материалы. СПб., 2011. С. 88–96.
2. Белая Г. Инерция мышления и реальность исторического контекста // Вопросы литературы. 1971. № 7. С. 182–185.
3. Белый А. О границах психологии // Белый А. Собрание сочинений. Символизм. Книга статей / общ. ред. В.М. Пискунова. М., 2010. С. 46–56.
4. Бердяев Н.А. Смысл творчества (опыт оправдания человека). М., 1916.
5. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Сергиев Посад, 1917.
6. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.
7. Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1965.
8. Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. М., 1999.
9. Золотухина О.Б. Психологизм в литературе. Гродно, 2009. URL: <http://ebooks.grsu.by/zolotuhina/oglavlenie.htm> (дата обращения: 12.01.2024).
10. Есин А.Б. Психологизм в литературе // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 2001.
11. Есин А.Б. Психологизм русской классической литературы. М., 1988.
12. Иезуитов А. Проблема психологизма в эстетике и литературе // Проблемы психологизма в советской литературе. Л., 1970. С. 39–58.
13. Компанец В.В. Художественный психологизм как проблема исследования // Русская литература. 1974. № 1. С. 46–60.
14. Кормилов С.И. «Внутренний человек» в литературе // Вопросы литературы. 2000. № 4. С. 349–364.
15. Кормилов С.И. Теоретическая система Г.Н. Пospelова и проблема современной системы теоретико-литературных понятий // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1995. № 3. С. 5–19.
16. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.
17. Лихачев Д.С. О конкретном литературоведении. Вместо предисловия // Лихачев Д.С. Литература – реальность – литература. Л., 1984. С. 4–10.
18. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
19. Лосев А.Ф. Форма – Стиль – Выражение. М., 1995.
20. Масловский В.И. Психологизм на перекрестках истории // Narratorium. 2018. № 11. URL: <https://narratorium.ru/2018/07/24/валентин-масловский-москва-психолог/> (дата обращения: 19.01.2024).
21. Овсянко-Куликовский Д.Н. Из психологии мысли и творчества // Жизнь. 1901. № 1. С. 312–348.
22. Потебня А.А. Мысль и язык. Харьков, 1892.
23. Скафтымов А.П. Диалектика в рисунке Л. Толстого // Литературные беседы. Вып. I. Саратов, 1929. С. 15–49.
24. Страхов И.В. Психология литературного творчества. Л.Н. Толстой как психолог. М., 1998.
25. Тмарченко Н.Д. Интроспекция психологическая // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н.Д. Тмарченко. М., 2008. С. 83–84.
26. Тихомиров В.В. Развитие литературно-критического метода Н.Г. Чернышевского // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2009. № 3. С. 157–167.
27. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1939. Т. 3.
28. Фащенко В.В. У глубинах людського буття. Етюди про психологізм літератури. Київ, 1981.
29. Хализев В.Е. Теория литературы. М., 1999.
30. Чернышевский Н.Г. «Детство и Отрочество»: Сочинение графа Л.Н. Толстого // Современник. 1856. № 12. С. 55–178.
31. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопоэтики русской литературы XVIII–XIX вв. М., 1998.